

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В РАМКАХ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: предмет исследования – поиск теоретических оснований изучения социального кризиса в рамках философии Франкфуртской школы. Подчеркиваются методологические особенности исследования кризиса в данной философской школе, отмечаются общее и особенное в рассмотрении данного вопроса у ее представителей, а также роль массовизации и медиа в формировании и возможности преодоления кризиса.

Ключевые слова: социальный кризис, социальная философия, Г. Маркузе, Франкфуртская школа, толерантность.

Abstract: the subject of the article is the search for theoretical foundations for the study of the social crisis within the framework of the philosophy of the Frankfurt School. The author emphasizes the methodological features of the study of the crisis in this philosophical school, noting the general and special in the study of this issue by its representatives. The role of massization and media in the formation and possibility of overcoming the crisis is noted.

Key words: social crisis, social philosophy, G. Marcuse, Frankfurt School, tolerance.

Феномен социального кризиса имеет долгую историю существования, однако в рамках философских исследований он полноценно исследуется лишь с конца XIX в.

Особую актуальность тема социального кризиса приобретает во второй половине XX в, когда обостряются социальные и идеологические противоречия в мире, после формирования блоков НАТО и ОВД, с началом холодной войны.

Интерес представляет ретроспективный анализ исследования кризиса в рамках Франкфуртской школы, сочетающей в себе различные подходы и представителей, несмотря на общее сходство проблематики и методологии.

Видным представителем, рассматривающим проблему кризиса социального, является Ю. Хабермас. Анализируя сложившиеся общественные отношения в рамках социального пространства своей эпохи, он приходит к выводу о том, что кризис представляет собой многоаспектное явление, которое, как правило, не может быть редуцировано лишь к одной конкретной причине. Философ рассматривает кризис социальных отношений сквозь призму кризиса легитимности, однако здесь важен тот факт, что Хабермас не только не замыкается в социальной сфере обще-

ства, но и, напротив, сознательно расширяет горизонты исследования и планирования будущих изысканий. Анализируя кризис легитимности, он указывает на тот факт, что к нему напрямую ведут и экономические, и политические, и культурные предпосылки. Здесь, несколько отойдя от непосредственно философии Хабермаса, значимо отметить, что сама легитимность представляет собой весьма неуловимый в процессуальности феномен. Мы можем четко отследить, когда легитимность есть, однако нам куда сложнее понять, как и почему она возникает, или, как в случае исследуемой работы, почему мы вдруг наблюдаем кризис легитимности. Хабермас при этом осуществляет поиск взаимосвязи политического и этического дискурса, говоря о понятии легитимности. Он пишет, что легитимность должна быть рассмотрена как «цель, которая сопровождает политический порядок, признаваемый правильным и справедливым» [1, с. 287]. Это особенно актуально в работах данного философа, ведь одну из ключевых ролей в его социальной философии занимает проблема коммуникации. Следовательно, легитимность – это тот феномен, который обеспечивает должную коммуникацию электората и политической власти, государства и гражданского общества. Напомним, что под леги-

тимностью в классическом смысле понимают готовность принимать политическую власть и административные органы и подчиняться их решениям по доброй воле. Таким образом, кризис легитимности играет крайне опасную роль в существовании общества и функционировании его структур. Неслучайно Хабермас рассматривает социальную среду с позиций теории систем, дабы получить полноценное представление о функционировании элементов или же причинах дисфункции тех или иных социальных институтов. В свою очередь, легитимность, на первый взгляд, отражая главным образом политический аспект отношений, на деле затрагивает весь спектр общественных отношений, ибо снижение эффективности в одном из элементов системы затрагивает ее в целом, а не только тот сегмент, в рамках которого возникают или проявляются кризисные явления. Однако здесь существует диалектическая взаимосвязь: проявления кризиса проще выявить и устранить в более отлаженной и эффективной системе. В данном случае мы можем заметить тесную взаимосвязь социального кризиса в целом, который проявляет себя в различных сферах: кризиса легитимности в политическом дискурсе и кризиса рациональности в духовном аспекте. Дело в том, что кризис рационального приводит к тому, что для человека, с одной стороны, снижается роль авторитетов в различных областях человеческого знания, а с другой – он и сам не может критично и рационально осмысливать предлагаемый ему материал или теории. Таким образом, он всё же нуждается в опоре на авторитет, что часто делает его легкой добычей для манипуляторов сознанием. Это производит тесную взаимосвязь с кризисом доверия в целом и политическим доверием в частности. А политическое доверие, в свою очередь, также крайне важно для успешного функционирования политической системы.

Следовательно, социальный кризис имеет свойство к быстрому распространению, независимо от той сферы, в которой он начался. Это также следствие системности общества и тесной взаимосвязи его элементов. Хабермас обращает внимание, что исследуемый им кризис легитимности, который, по нашему мнению, является частным проявлением более крупного и системного социального кризиса, в качестве одной из причин имеет дисбаланс в накоплении знаний морально-практических, которые в исследуемый период значительно отстают от технических знаний. О противоречивости такого подхода он пишет следующее: «Технократическое сознание является, с одной стороны, “менее идеологическим”, нежели все предшествовавшие идеологии, так как оно лишено ослепляющей силы, которая лишь имитирует соблюдение интересов. С другой стороны, доминирующая теперь скорее прозрачная идеология заднего

плана, превращающая науку в фетиш, является более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа» [2]. В связи с этим человек получает могущество, с которым, однако, не может совладать. Это губительно, поскольку приводит не просто к абстрактным и возможным сложностям, но способно породить вполне конкретные проблемы в сфере экологии и международной безопасности. Важным аспектом проблематизации кризиса в общественном сознании, по мнению Хабермаса, является тот факт, что «только когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [3, с. 17]. Кроме того, философ устанавливает связь между типом общества, в котором возникает и развивается кризис, и базовыми характеристиками кризиса. При этом мы можем отметить важную деталь, что чем более развито общество, тем меньше оно зависит от внешних причин, поэтому на развитых стадиях общественного развития преобладают внутренние причины развития кризиса. Следовательно, мы можем увязать характер и степень общественного развития, и частоту, и особенности возникновения в нем социальных кризисов, а также их (кризисов) основные причины.

Другой представитель Франкфуртской школы Т. Адорно, рассматривая проблематику социального кризиса, склонен к анализу феномена массовизации как причины возникновения социального кризиса современности, и, таким образом, подавлением индивидуального начала и критического мышления. Говоря о массовой культуре и особенностях ее развития, Адорно со своим коллегой М. Хоркхаймером пишет: «Таланты являются собственностью индустрии еще задолго до того, как выставляются ей напоказ: в противном случае они не стремились бы так рьяно приобщиться к ней. Расположение публики, и мнимо, и на самом деле благоприятствующей системе культуриндустрии, есть часть системы, а не ее оправдание» [4]. Таким образом, происходит отчуждение творческого начала от личности, что приводит к утрате ею субъектности. Такая личность уже с трудом реализует свой творческий потенциал, что приводит к росту человека-массы, об опасности чего активно писал Ортега-и-Гассет. В данной работе он и его труды не составляют предмет изучения, однако следует заметить, что массовизация социального пространства, как в его работах, так и в трудах Адорно и Хоркхаймера, являются явным маркером социального кризиса. Мало того, чем выше степень влияния человека-массы, тем более губительные последствия ожидают общество в целом.

Особую роль в нарастании кризиса культуры играют СМИ и медиа-ресурсы. Будучи изначально

задуманными, чтобы информировать население, они, по мнению философов, всё больше манипулируют ими, обращая в массу, лишая творческой мысли. В этом смысле показателен пример радиофикации городов в середине прошлого века, когда на улицах у человека фактически пропал выбор: слушать или не слушать радио, с передаваемыми сообщениями и нарративами. Если газету нужно еще уметь прочесть, а грамотность в те времена была не абсолютной, да к тому же газету нужно еще и купить, то радио бесплатно и без усилий от человека передавало ему информацию. Особую актуальность приобретает анализ ими состояния искусства, где, по мнению Адорно и Хоркхаймера, корпорации фактически делают автора анонимным, что, с одной стороны, отбивает у него желание творить, а с другой – снимает с него ответственность за творческое наследие. Философы уже в свое время отмечали, что «бесцельность новейшего великого произведения искусства всецело порождается анонимностью рынка. Его требования являются столь многократно опосредованными, что это избавляет художника от необходимости следовать определенным условиям, правда, только в известной мере, ибо его автономии, как всего только снисходительно терпимой, на протяжении всей буржуазной истории сопутствовал момент неистинности, в конечном итоге приведший к социальной ликвидации искусства» [там же].

Таким образом, философы указывают, что рациональное начало отчуждается от человека и восстает против него, оборачиваясь манипуляциями и попытками массивизировать население, приведя его к единому стандарту и идеологии. Внимательно изучая общественные практики, Адорно и Хоркхаймер отмечают, что разум и его творения далеко не всегда приносят сугубо благо. Приходит понимание, что прогресс неразрывно связан с кризисами и потрясениями и не настолько однозначно хорош, как это могло казаться в эпоху Нового времени и Просвещения. Авторы пишут: «В этом освобожденном от иллюзий мире, в котором, утратив рефлексию, люди вновь превратились в самых умных животных, которые поработят остатки Вселенной, если не растерзают самих себя, к животному принято относиться уже не сентиментально, но как к измене делу прогресса» [там же]. Именно в чрезмерном увлечении рациональным началом, уходом на второй план нравственного и чувственного начал мыслители видят причину кризиса западной культуры и появления деструктивных политических режимов.

Г. Маркузе, анализируя в рамках критической теории социальный и духовный кризис, отмечает, как и проанализированные выше философы, роль упрощения человека. Он указывает на активное

навязывание потребительского отношения человека к миру и другим людям, что разрывает социальные связи, делает общество более атомизированным и легкоуправляемым. Технологии и рациональность стали доминировать во всех областях духовной культуры, а потребление стало способом «приручения» рабочего класса и общества в целом. Снижение критического мышления, понижение солидарности в обществе становятся важными маркерами социального кризиса, а в случае экономического спада, у человека, приученного к изобилию и избыточному потреблению, и вовсе не остается ничего. Отсюда и столь негативное отношение у Маркузе к новым, часто навязанным потребностям. Он пишет: «Создание репрессивных потребностей давным-давно стало частью общественно необходимого труда – необходимого в том смысле, что без него нельзя будет поддерживать существующий способ производства. Поэтому на повестке дня стоят не проблемы психологии или эстетики, а материальная база господства» [5]. Таким образом, рассматривая проблему социального кризиса сквозь призму учения Маркузе, мы обнаруживаем, что кризис носит системный характер, что характерно и для других представителей Франкфуртской школы. Особое место в исследованиях Маркузе играет роль толерантности в кризисных явлениях. Сегодня этот вопрос актуален даже в большей степени, чем в момент написания работы. Деформация толерантности усиливает кризисные явления, заставляя человека чувствовать себя заброшенным и отчужденным от других членов общества. Кроме того, толерантность в своей репрессивной итерации не только не помогает решать накопившиеся противоречия, но и создает новые. Маркузе указывает: «Политический смысл толерантности изменился: поскольку она почти незаметно стала принципом власти, а не оппозиции, она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике. Толерантность превратилась из активного состояния в пассивное, из практики – в бездеятельность» [6, с. 101]. Тем самым репрессивная толерантность снижает потенциал общества для решения проблем. Вместо обеспечения диалога она, наоборот, фактически запрещает его, склоняя членов общества к молчаливому согласию. В таких условиях социальный кризис может развиваться незаметно, поскольку трудно бороться с проблемой, не обсуждая ее. Однако потом такой кризис проявит себя на более поздней стадии, и справиться с его последствиями будет куда труднее.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В рамках Франкфуртской школы при проведении ретроспективного анализа обнаруживается

особое прочтение социального кризиса. Суть его в том, что кризис носит системный характер, не сводим к отдельно взятой сфере, требует активного участия духовной и социальной сферы для разрешения, что проводит определенную демаркационную линию с классическим марксизмом, несмотря на «левую» ориентацию представителей данного направления. При этом существуют определенные различия в трактовке данного феномена у исследуемых философов. Так, Ю. Хабермас в большей мере склонен искать корни и способы решения в процедуре легитимации и коммуникации, тогда как Адорно и Хоркхаймер обращают пристальное внимание на массовизацию и влияние медиа. Однако, несмотря на различия, представители сохраняют общую методологию и ключевые ценности, лежащие в основе исследования социума и социального кризиса.

*Воронежский государственный университет
Гаршин Н. А., старший преподаватель кафедры
истории философии и культуры
E-mail: garshnick@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Habermas J.* Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus = К реконструкции исторического материализма. Frankfurt a. M. : Subkamp, 1976. 346 p.
2. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6261/6263> (дата обращения: 12.05.2024).
3. *Habermas J.* Legitimation Crisis / transl. by T. McCarthy. 3rd ed. London : Heinemann, 1980. 163 p
4. *Адорно Т. Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5521/5522> (дата обращения: 12.05.2024).
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5440/5449> (дата обращения: 14.05.2024).
6. *Маркузе Г.* Репрессивная толерантность // Критическая теория общества : избранные работы по философии и социальной критике. М. : АСТ, 2011. С. 98–138.

*Voronezh State University
Garshin N. A., Senior Teacher of the History of Philosophy and Culture Department
E-mail: garshnick@mail.ru*